КАНЦЕЛЯРІЯ МОСКОВСК
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

БЕСѢДЫ

О ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ, ПРИСЯГѢ, ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНѢ и О ВОИНСКОМЪ УСТРОЙСТВѢ.

НАПИСАЛЪ
Унтеръ-офицеръ запаса.

Одобрены Циркуляромъ Главнаго Штаба 1903 г., № 104. Рекомендованы приказомъ по войскамъ 2-го Сибирскаго армейскаго корпуса 1907 года № 10.

Цѣна 5 коп.

Арестована въ порядкѣ охраны и Комитетомъ по дѣламъ печати. См. д. 4/908.

«Невскій Книжный Магазинъ».
СПБ., Невскій пр., д. № 50, рядомъ съ Пассажемъ.
1907.

209452

Бесѣда первая.

Точно-ли офицеры съ солдатами составляютъ одну военную семью.

Каждый изъ васъ, братцы, знаетъ, что офицеръ и солдатъ состоятъ на одной и той-же службѣ. Каждый скажетъ, что какъ офицеръ, такъ и солдатъ призванъ на одно и то-же дѣло: защищать родину отъ внѣшнихъ враговъ; а большинство изъ васъ прибавитъ къ этому— и усмирять внутреннихъ. И выходитъ такъ, что какъ будто офицеръ и солдатъ, занимаясь однимъ и тѣмъ же дѣломъ, должны быть между собой лучшими друзьями. Дѣло у нихъ одинаковое, ссориться имъ или дѣлить что другъ съ другомъ нечего; вся-то и разница межъ ними въ томъ и состоитъ, что солдатъ подчиненъ офицеру, и воинская дисциплина обязываетъ его повиноваться во всемъ своему начальнику. Но вѣдь и каждый офицеръ тоже обязанъ повиноваться старшему офицеру. Ужъ такова судьба каждаго военнаго—будь то солдатъ, унтеръ-офицеръ, оберъ или штабъ-офицеръ— повиноваться старшему себя. Значитъ, и тутъ большой разницы какъ будто не выходитъ межъ солдатомъ и офицеромъ: надъ офицеромъ лишь поменьше всякаго начальства, а надъ солдатомъ побольше. Вотъ, молъ, и все различіе межъ ними. А и присяга, и воинская дисциплина для обоихъ одинаково обязательны. И за нарушеніе ихъ оба несутъ тяжелое наказаніе, да еще офицера, пожалуй, **въ иныхъ случаяхъ** построже накажутъ.

Такъ думаютъ, вѣрно, многіе изъ васъ на этотъ счетъ; и поглядишь съ перваго разу,—такъ будто и правильно такое разсужденіе. Солдату съ офицеромъ словно бы и на самомъ дѣлѣ не изъ-за чего враждовать другъ съ другомъ, а, напротивъ, во всемъ нужно итти

рука объ руку. Жить дружно, хорошо, все равно какъ роднымъ братьямъ въ семьѣ. Недаромъ вѣдь и самъ царь нынче лѣтомъ семеновцамъ говорилъ: „Г-да офицеры, что я сказалъ нижнимъ чинамъ, относится одинаково и къ вамъ, **потому что семеновцы представляютъ единую**, сплоченную, неодолимую, могучую **семью**, которая такой и навѣки останется...“.

А кому же, казалось-бы, лучше, какъ не царю, судить въ этомъ дѣлѣ? Да и семеновцы не положили охулки на руку и крѣпко доказали правоту царскихъ словъ на счетъ ихней „сплоченности“! Слыхали вы, вѣрно, какъ **дружно** усмиряли они „внутренняго врага“ въ декабрѣ прошлаго года по Московско-Казанской жел. дорогѣ? Любой солдатъ, что твой Минъ, смѣло кидался на безоружнаго „непріятеля“ и всаживалъ ему штыкъ въ животъ или пулю въ спину... А одинъ солдатикъ-семеновецъ такъ просто-на-просто „взялъ на прицѣтъ“ одну бабу, которая тутъ такъ и „сковырнулась“. Да послѣ того самъ же объ этомъ со смѣхомъ разсказывалъ другому солдату. Этому „солдатику“, какъ видите, дѣйствительно, не изъ-за чего было ссориться со своимъ полковникомъ Риманомъ, убивавшимъ людей тоже безо всякой вины; просто потому только, что подвернулся подъ руку, попался на глаза ему, какъ попалась на глаза солдату несчастная баба, застрѣленная имъ. Выходитъ, слѣдовательно, что **касательно семеновцевъ** царскія слова точно были справедливы. Хвалить и благодарить Николаю Александровичу приходилось какъ солдатъ, такъ и офицеровъ одинаково горячо: и тѣ и другіе славно постарались въ этомъ дѣлѣ и не даромъ получили царскую благодарность, удостоились царскихъ милостивыхъ словъ. Не даромъ царь-батюшка называлъ ихъ „дорогими моими“, не даромъ „отъ всей души выражалъ имъ свою горячую благодарность“... *)

*) Вотъ что именно говорилъ царь семеновцамъ на смотру: „Восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ семеновцы представлялись мнѣ въ послѣдній разъ въ Царскомъ Селѣ. Я вамъ говорилъ тогда, что былъ увѣренъ, что семеновцы при всѣхъ обстоятельствахъ покажутъ себя достойными своихъ предковъ и всегда останутся честными и преданными слугами своихъ царей и родины. Тяжелыя

Потрудились семеновцы знатно, постояли грудью за царя-батюшку; меньше, чѣмъ въ двѣ недѣли, прикончили 150 человѣкъ, изъ нихъ **129 совсѣмъ непричастныхъ ни къ какому дѣлу**... Зналъ, видно, царь-государь, Николай Александровичъ, за что такъ горячо благодарилъ дорогихъ своихъ семеновцевъ. За то, что крѣпко помнили **присягу да воинскую дисциплину**; не щадили ни стариковъ, ни женщинъ съ дѣтьми, по первому приказу стрѣляли въ нихъ, не спрашивая, за что ихъ надо бить; а иные такъ и сами по доброй волѣ „баловались“ надъ прохожими бабами... **А присягой да воинской дисциплиной только и держится та дружная, воинная семья изъ солдатъ и офицеровъ**, о которой говорилъ царь. Запомнимъ пока мы это съ вами получше, а сами поведемъ рѣчь дальше.

Бесѣда вторая.

Кому служба—мать, кому—мачеха.

Сказалъ я раньше, что ежели поглядѣть **съ перваго разу**, такъ точно, вражды межъ солдатомъ и офицеромъ не должно бы быть. Ну, а если хорошенечко подумать да поприсмотрѣться къ солдатской и офицерской жизни? Точно ли такъ это выйдетъ, какъ намъ кажется съ перваго взгляда? И сами вы хорошо это знаете, что не всегда солдатъ живетъ въ ладахъ съ офицеромъ; что иной офицеръ хуже звѣря всякаго бросается на солдатъ съ кулаками, а то и нагайкой „зубы чистить“,

---

обстоятельства наступили черезъ нѣсколько дней, и **благодаря доблести, стойкости и вѣрности семеновцевъ крамола въ Москвѣ была сломлена**. Россія и я искренно благодарю васъ за вашу службу. Я радъ видѣть дорогой полкъ въ эти дни у себя, и вчера со своимъ семействомъ принималъ васъ по домашнему. Завѣщаю сыну моему относиться съ тою же любовью къ полку, съ какой я относился къ вамъ, и также вѣрить, какъ я вѣрю вамъ. Семеновцы, дорогіе мои, отъ всей души выражаю вамъ мою горячую благодарность за вашу службу. Г.г. офицеры, что я сказалъ нижнимъ чинамъ, относится одинаково и къ вамъ, потому что семеновцы представляютъ единую, сплоченную, неодолимую, могучую семью, которая такой и навѣки останется“.

и „морду лущитъ“, и матернымъ словомъ постоянно ругаетъ. А солдатъ въ струну вытягивается при этомъ его сквернословіи да мордобитіи, и только, знай, одно приговариваетъ: „Слушаю, ваше благородіе... Такъ точно, ваше благородіе...“ Со стороны поглядѣть, такъ и стыдъ, и жалость беретъ. Иной офицеришко и весь-то съ карандашъ, а натужится, раскраснѣется, что ракъ вареный, да и такъ лущитъ дюжаго, чуть не саженнаго молодца; тотъ же смотритъ на него, глазомъ не сморгнетъ и подставляетъ то одну щеку, то другую, да еще наклонится пониже, чтобы офицеръ дотянулся до него... Просто не глядѣлъ бы на такую срамоту. А солдатъ воинскую дисциплину помнитъ, все стерпитъ, и рѣдкій-рѣдкій кто изъ нихъ заявитъ потомъ жалобу на обидчика. Заявитъ, да и самъ послѣ не радъ будетъ. Офицера, правда, переведутъ въ другой полкъ или выговоръ сдѣлаютъ, да за то и солдата не помилуютъ— другіе товарищи офицеры припомнятъ жалобщику и сумѣютъ сами или черезъ фельдфебеля отомстить, какъ слѣдуетъ. И выходитъ, что воинская то дисциплина не одна и та-же для офицера и солдата: офицера за побои солдата, самое большее, переведутъ въ другой полкъ; а солдата за одну только жалобу допекутъ потомъ службой, такъ что онъ не одинъ разъ покается, что жаловался, и другимъ всѣмъ закажетъ не дѣлать этого. Если же онъ не стерпитъ да самъ дастъ сдачи офицеру-обидчику, такъ его живымъ манеромъ въ дисциплинарный батальонъ отправятъ, а не то и подъ разстрѣлъ подведутъ.

Даже за простое замѣчаніе солдата офицеру или невѣжливое обращеніе, нижніе чины наказываются заключеніемъ въ военной тюрьмѣ отъ 1 до 4-хъ мѣсяцевъ. Въ тѣхъ „примѣрахъ преступленій“ воинскихъ, какіе вамъ нарочно даютъ читать, указывается, какъ за одно замѣчаніе рядового, находившагося при трудно-больномъ, дежурному по госпиталю офицеру: „Ваше б-діе, потише“, этотъ рядовой былъ привлеченъ къ суду по 96 ст. Воинск. Уст. о наказаніяхъ (въ тюрьму отъ 1—4 мѣс.); по той-же статьѣ отданъ подъ судъ солдатъ, нечаянно задѣвшій плечомъ начальника. А солдатъ, схва-

тившій офицера за рукавъ, для защиты отъ удара, былъ привлеченъ по 97 статьѣ, карающей, между прочимъ, отдачей въ дисциплинарный батальонъ на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ или въ одиночную тюрьму отъ двухъ до четырехъ мѣс. И все же этого солдата офицеръ ударилъ три раза по лицу, приказавъ другимъ солдатамъ отдернуть его руку...

Подобные случаи не рѣдкость, и каждый изъ васъ о нихъ слыхалъ, а то и самъ знаетъ. Привелъ я это лишь какъ примѣръ, чтобы показать, какъ различно бываетъ наказаніе для офицера и солдата въ такихъ случаяхъ. Большею частью, офицеръ даже вовсе не подвергается никакому наказанію за незаконныя дѣйствія противъ нижнихъ чиновъ, а солдатамъ всякое лыко ставится въ строку, малѣйшее ихъ слово неугодное офицеру, считается преступленіемъ. И причиной этому единственно лишьвоинская дисциплина, которая велитъповиноваться безпрекословно старшему; и всякій проступокъ младшаго противъ старшаго судятъ гораздо строже, чѣмъ проступокъ старшаго передъ младшимъ. Значитъ, часто могутъ происходить такіе случаи, гдѣ офицеръ и солдатъ не являются уже такими близкими членами единой братской семьи военныхъ, какъ вы думали раньше. Если они и дѣти одного отца, то все же разные: офицеръ, дѣйствительно, за сына родного сходитъ, а солдатъ вродѣ какъ за пасынка. И не только въ разницѣ наказаній за одинъ и тотъ же поступокъ приходится офицеру быть какъ бы сыномъ роднымъ, а солдату пасынкомъ немилымъ. И въ другомъ во всемъ посмотрѣть, такъ то-же выходитъ, что офицерская жизнь куда иная, чѣмъ солдатская. И жалованье онъ получаетъ большое, и до чиновъ высокихъ дослужиться можетъ; и ордена, и награды, и честь ему куда больше солдатскихъ; и самыя важныя мѣста въ государствѣ часто занимаютъ штабъ-офицеры и становятся такимъ образомъ распорядителями и правителями въ русскомъ государствѣ *) А выйдутъ они изъ военной службы—

*) Однихъ только генераловъ къ 1899 году считалось въ Россіи 1318 ч.—изъ нихъ 56 въ запасѣ арміи и 1262 на дѣйствительной службѣ Запасные получали въ годъ 74861 р., т. е., по 1872 р. на

и на штатской имъ вездѣ дорога не заказана. Вездѣ офицера возьмутъ охотно, лишь бы ужъ не очень убогъ умомъ былъ. А для очень скорбныхъ головой—мѣсто земскаго начальника или акцизнаго чиновника всегда готово... Я не хочу сказать, будто всякому офицеру такъ все это само собой и валится сверху, словно манна небесная евреямъ въ пустынѣ. Чины и ордена выдаются и не потому только, что „бабушка ворожитъ", а также и за настоящую службу или какія нибудь особенныя заслуги. И жалованье большое получаютъ офицеры, потому что имъ и прожить, и одѣться стоитъ дороже, чѣмъ солдату, многіе офицеры семейные, и имъ нужно содержать свои семьи. И не хочу я сказать, будто всѣ они или большинство изъ нихъ лишь кутятъ да бездѣльничаютъ. Есть и дѣльные офицеры, знающіе хорошо службу и добросовѣстно работающіе въ своемъ дѣлѣ. Все это такъ. Но вѣдь у насъ съ вами сейчасъ и рѣчь идетъ не о легкости или трудности офицерской службы. Рѣчь идетъ лишь о томъ, что офицерская служба **иная**, чѣмъ солдатская. Иная настолько, что офицеру и солдату на самомъ дѣлѣ большими друзьями быть и не приходится. Они **друзья только до тѣхъ поръ, пока дѣлаютъ одно общее имъ дѣло—несутъ военную службу, идутъ на войну.** А какъ разошлись по мѣстамъ—солдатъ въ свою казарму, а офицеръ на свою квартиру—такъ ихняя жизнь и пошла совсѣмъ розно. И еще различнѣй она идетъ, когда солдатъ отбудетъ срокъ своей службы и вернется домой; офицеръ же пойдетъ вверхъ за чинами все выше и выше. Тутъ уже между ними и всякое прежнее дружество прекращается, а нерѣдко прежніе друзья становятся и настоящими

человѣка. Изъ дѣйствительныхъ 102 полныхъ генерала получали **жалованья** 1 милліонъ 200 тысячъ, т. е. по **одиннадцати тысячъ 768 р.** на каждаго, кромѣ того, что они имѣли еще отъ разныхъ арендъ, содержаній и пр. Изъ 360 генералъ-лейтенантовъ 306 ч. получали изъ казны 1 милліонъ 758 тысячъ руб., по 5747 руб. въ годъ на каждаго. Наконецъ, 683 генералъ-майора (изъ 780 ч. всего) получали 2 мил. 423 тысячи руб., т. е. по 3547 руб. на человѣка. О жалованіи и содержаніи полковниковъ и прочихъ офицеровъ свѣдѣній нѣтъ у насъ, но въ общей суммѣ на нихъ тоже уходитъ не одинъ милліонъ народныхъ денегъ.

врагами другъ другу. Объ этомъ, впрочемъ, послѣ, а посмотримъ сначала, **всегда ли и на самой-то службѣ** офицеръ и солдатъ должны считать другъ друга истинными друзьями-товарищами. Не бывало ли такихъ случаевъ, когда офицеръ является врагомъ солдату, лишь ложно прикинувшимся пріятелемъ-другомъ ему. Все равно какъ въ баснѣ волкъ, одѣвшій овечью шкуру и этимъ хотѣвшій обмануть овецъ. А солдаты по своей темнотѣ умственной не видятъ этой овечьей шкуры, которую напялилъ на себя офицеръ поверхъ своего военнаго мундира, и нерѣдко принимаютъ его за своего же брата. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, не бываетъ ли такихъ случаевъ. Стоитъ только немножко раскинуть намъ умомъ, какъ мы увидимъ, что точно такіе случаи бываютъ, и очень даже часто. Вѣрнѣе даже сказать, что **при теперешнемъ устройствѣ арміи офицеръ въ мирное время является не другомъ, а врагомъ солдату**, при несеніи имъ совмѣстно военной службы. Правда ли это и какъ-бы намъ повѣрнѣе разсудить въ этомъ дѣлѣ? А вотъ попытаемся, можетъ быть, и договоримся до чего-нибудь, и поймемъ другъ дружку, и одинаково станемъ тогда думать на этотъ счетъ. Договориться же намъ будетъ легко, если только вы подумаете немножко надъ моими словами и повнимательнѣе ихъ выслушаете. Ну, такъ начнемъ добираться до правды общими силами.

Бесѣда третья.

Зачѣмъ держатъ армію и флотъ.—О присягѣ и дисциплинѣ.

По уставу назначеніе солдата, какъ и офицера, одно и то-же: защищать царя и отечество отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. **Такъ учатъ каждаго изъ васъ**, и многіе, почти всѣ солдаты и на самомъ дѣлѣ думаютъ, что въ этомъ и состоитъ ихъ первая и прямая обязанность. Что касается **защиты** отечества отъ **врага внѣшняго**—то, конечно, никто не сомнѣвается, что долгъ солдата, какъ и всякаго гражданина, дѣйствительно заключается въ такой защитѣ отечества. Вѣдь призванъ-

ный на службу человѣкъ—офицеръ, солдатъ, матросъ военнаго флота—для того и обучается воинскому искусству; для этого именно его отрываютъ отъ дома, родной семьи, отъ его прежняго занятія, чтобы поставить его сторожемъ русской земли. Эту сторожевую службу почти каждый русскій гражданинъ долженъ нести нѣсколько лѣтъ—у насъ довольно долго: въ пѣхотѣ 3, въ кавалеріи и конной артиллеріи 4 года, во флотѣ 5 лѣтъ. Остальной же русскій народъ, свободный въ это время отъ военной службы, оплачиваетъ своимъ трудомъ содержаніе всей многочисленной нашей арміи. Оплачивать приходится не мало. Въ прошломъ году, напримѣръ, на содержаніе арміи и флота отпущено было четыреста восемьдесятъ милліоновъ рублей, и всѣ эти деньги взяты вѣдь съ народа. Если бы эту сумму разверстать поровну на всѣхъ жителей въ Россіи, то съ каждаго сошло бы на военные расходы по четыре руб. Да милліоновъ 12—15 затратитъ крестьянство на снаряженіе рекрутъ на службу, да на присылку денегъ солдатамъ Такимъ образомъ армія охраняетъ страну и въ это время пользуется отъ всего народа даровымъ содержаніемъ; страна же, весь народъ, подъ охраной арміи и флота, можетъ безопасно заниматься своимъ мирнымъ трудомъ, не опасаясь, что внѣшній врагъ ворвется въ землю, разоритъ ее и надругается. Не можетъ быть сомнѣнія, что эта **обязанность** солдата **защищать отечество отъ внѣшняго врага**—дѣйствительно хорошая и полезная для всего народа обязанность. И за эту полезную для всей страны службу народъ кормитъ и содержитъ армію и флотъ, вооружаетъ и снаряжаетъ ихъ. И въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ защиты отечества отъ врага внѣшняго—солдатъ и офицеръ идутъ рука объ руку, они тутъ друзья одинъ другому; и чѣмъ они ближе сойдутся, тѣмъ лучше для дѣла. Когда мы говоримъ о **защитѣ отечества** отъ врага внѣшняго, то всякому изъ насъ понятно, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь. **Защищать** землю можно только тогда, когда на нее **нападаютъ**—значитъ, сначала должны напасть или подготовляться къ нападенію на насъ, на нашу русскую землю, и тогда мы, въ отвѣтъ на такое

нападеніе или подготовку къ нему, вооружаемся, готовимся къ войнѣ, потомъ вступаемъ въ бой съ непріятелемъ, защищаемъ отъ него нашу землю. Также понятно, что нападать на **русскую землю** можетъ только тотъ, кто самъ не русскій подданный, **живетъ не въ Россіи**, не имѣетъ въ ней ничего своего и не пользуется никакими ея законами, учрежденіями и выгодами, не несетъ никакихъ службъ и тягостей. Это и есть именно **внѣшній врагъ**. Не надо только забывать при этомъ, что наша Россія населена не одними русскими по роду, по племени, а также евреями, поляками, татарами, армянами, грузинами и еще очень многими инородческими племенами. Всѣ они также живутъ въ Россіи, также несутъ всѣ тягости и службы и даже еще болѣе многочисленныя и трудныя, часть даже не пользуется тѣми правами, которыми пользуются прирожденные русскіе, потому что наше правительство несправедливо урѣзываетъ ихъ въ этихъ правахъ и налагаетъ на нихъ лишнія стѣсненія (напр., не позволяетъ евреямъ жить во многихъ мѣстностяхъ Россіи, владѣть имъ землей; или всѣхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, неохотно беретъ на службу государственную, а предпочитаетъ имъ прирожденныхъ русскихъ, хотя бы они оказывались и менѣе образованными и умѣлыми, и пр.). Всѣ такіе инородцы, живущіе въ Россіи и считающіеся гражданами или, какъ у насъ правительство называетъ—подданными русскаго государства, суть такіе же русскіе люди, какъ и мы съ вами, русскіе по роду. И значитъ, **внѣшнимъ врагомъ они не могутъ быть намъ, русскимъ**, и всѣмъ баснямъ и разсказамъ подобнаго рода не слѣдуетъ вѣрить, кто-бы вамъ ихъ ни говорилъ. Итакъ, туть все понятно и просто. Но такъ-ли все понятно и просто, когда идетъ рѣчь о защитѣ отъ **враговъ внутреннихъ** и объ ихъ истребленіи даже? Прежде всего кто-же это враги внутренніе? Почему отъ нихъ нужно защищать царя и отечество? И кого именно—царя или отечество? Или обоихъ вмѣстѣ? На кого они, **внутренніе** враги, т. е. тѣ же русскіе граждане, значитъ, нападаютъ—на царя, отечество или на царя и отечество сразу? И почему имъ вздумалось нападать? Вѣдь

они такіе же русскіе граждане (или подданные), какъ и солдаты, и матросы, и всѣ другіе; они имѣютъ въ Россіи свои родныя семьи, свои дома, пожитки, обрабатываютъ своими руками русскую землю, трудятся на фабрикахъ и заводахъ или живутъ инымъ какимъ трудомъ. Изъ-за чего же имъ понадобилось нападать на кого-то? на какое-то „отечество“ и царя? И какъ разобраться военному человѣку, кто тутъ правъ?—Эти ли внутренніе враги, которые тоже вѣдь считаютъ Россію своимъ отечествомъ, или же тѣ люди, на защиту которыхъ призываютъ солдатъ, беря съ нихъ присягу? А если правыми-то окажутся тѣ, кого зовутъ внутренними врагами, то какъ же быть съ присягой? Видите сами, какъ много вопросовъ является тутъ передъ нами, и какъ тутъ все неясно и сбивчиво. Всякій разъ, когда позовутъ на усмиреніе внутренняго врага приходится, значитъ, раньше рѣшить эти вопросы. А то вѣдь можетъ случиться, что вы поступите несправедливо и жестоко, убивши мирныхъ, честныхъ людей. Но рѣшать эти вопросы самому солдату нельзя, такъ какъ воинская дисциплина приказываетъ безпрекословно повиноваться начальнику—унтеръ-офицеру, фельдфебелю, вахмистру, офицеру и пр. Такъ, по крайней мѣрѣ, **объясняютъ вамъ воинскую дисциплину офицеры и всѣ обучающіе.** Они требуютъ отъ солдата полнаго повиновенія во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, когда отданное приказаніе явно клонится ко вреду для жизни и здоровья государя или царской семьи. Ослушаться начальника—значитъ угодить въ дисциплинарный, а то и подъ разстрѣлъ. Повиноваться—сдѣлаться убійцей, быть можетъ, нѣсколькихъ человѣкъ, а то и десятковъ и сотенъ своихъ же русскихъ людей и притомъ совершенно невинныхъ. Можетъ быть, послушаться присяги, которая велитъ служить вѣрой и правдой царю? И если царь велитъ итти на усмиреніе, такъ и итти, не разсуждая ужъ, хорошо это или плохо? Но какъ же быть тогда съ **присягой отечеству?** Вѣдь присягу солдатъ даетъ служить вѣрно не одному царю, а и отечеству? А какъ опять-таки узнать, какая служба будетъ вѣрная **для отечества,** т. е. полезная и хорошая

для всего русскаго народа—та-ли когда, по царскому приказу, пойдешь убивать своихъ-же братьевъ, или та, когда откажешься совершать эти убійства? Это во первыхъ. А во вторыхъ, что такое и самая присяга? Развѣ я ее **добровольно** даю, когда меня призываютъ на службу? Съ меня **ее требуютъ**, а не я самъ ее даю. А если не дамъ, такъ меня опять-таки закатаютъ куда нибудь. Это—присяга, данная мною изъ подъ палки, изъ-за страха наказанія. Такъ должна ли такая присяга считаться дѣйствительной, обязательной для меня? Если бы это было добровольное обѣщаніе съ моей стороны,—тогда такъ. Но добровольно обѣщаютъ другому, когда хотятъ или надѣются и отъ него получить себѣ что нибудь хорошее, полезное или нужное, или просто когда хотятъ оказать ему услугу, сдѣлать одолженіе, доставить удовольствіе. А то какое же это обѣщаніе, когда меня **заставляютъ** поклясться въ томъ, чего я и самъ еще не знаю — истреблять внутреннихъ враговъ, а какихъ враговъ и за что истреблять?—разсуждать самому не велятъ. Вѣдь и въ законѣ сказано, что надо служить „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“; не ради только страха наказанія, значитъ, а и потому, что **совѣсть** велитъ такъ служить. А какая ужъ тутъ совѣсть можетъ быть, когда я заранѣе готовъ на все, что мнѣ ни прикажутъ и даже не спрашиваю, зачѣмъ нужно это дѣлать? Это не присяга и не обѣщаніе выходитъ, а просто **вымогательство слова и насиліе надъ моей совѣстью**—насиліе, на которое я согласился изъ-за страха наказанія. Другое дѣло, если бы царь, беря съ меня присягу служить вѣрой и правдой ему, царю и отечеству, и самъ обѣщался бы предъ Богомъ служить своему народу вѣрой и правдой. Такъ въ прежнее время и было. **Князь и народъ обоюдно цѣловали крестъ и евангеліе**—князь присягалъ народу править землей по правдѣ и оберегать ее, а народъ князю—повиноваться ему и защищать родину до скончанія живота своего Такую присягу можно было исполнять по совѣсти, потому что исполнялъ ее народъ до тѣхъ поръ, пока и князь исполнялъ свою. А нарушалъ присягу князь—и народъ **не считалъ себя связаннымъ предъ княземъ своей** при-

сягой и поступалъ по своему. И тогда не было воинской дисциплины, которая заставляла бы повиноваться безпрекословно своему старшему. Тогда народъ долженъ былъ сначала обсудить самъ, правъ ли князь, требуя чего нибудь отъ народа. Да и самъ-то князь въ то время выбирался народомъ. И войско княжеское также обсуждало дѣйствія князя и всякаго поставленнаго имъ начальника, какъ и весь остальной народъ. И такое обсужденіе не наказывалось, потому что не считалось и за преступленіе. Только впослѣдствіи князья и цари **самовольно** прекратили обычай давать присягу народу, а заставили лишь народъ и войско давать присягу себѣ. И съ тѣхъ поръ, какъ они это сдѣлали, присяга перестала быть добровольнымъ обѣщаніемъ, а сдѣлалась простымъ насиліемъ надъ совѣстью людей. Поэтому **ссылаться на присягу царю нельзя**— нельзя потому, что она, **во первыхъ, недобровольная; во вторыхъ, берется она теперь лишь съ одного народа**, царь же не приноситъ присяги народу въ томъ, что будетъ блюсти его интересъ; **и въ третьихъ, потому что присягу даютъ не только царю, но и отечеству.** И чтобы обсудить, которая изъ этихъ присягъ правильная, нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ понять и знать, зачѣмъ тебя зовутъ усмирять внутренняго врага, и дѣйствительно ли надо его усмирять; а такое обсужденіе запрещаетъ та воинская дисциплина, которой обучаютъ васъ ваши офицеры: она, по ихъ словамъ, велитъ **безпрекословно повиноваться приказаніямъ старшаго начальника, лишь бы** эти приказанія не клонились ко вреду государя; а не клонятся ли они въ то-же время ко вреду **отечества**, о томъ ни одинъ **изъ нихъ не заикается.**

Бесѣда четвертая.

О „врагѣ внутреннемъ“.

Итакъ, мы договорились съ вами до двухъ вещей. Первое—что обязанность солдата **защищать отечество отъ нападеній внѣшняго врага**—дѣло хорошее, честное

и полезное для всего народа. Говорить о томъ, плохо или хорошо это дѣло у насъ поставлено, водятъ ли солдатъ на войну только **ради защиты отечества** или для чего другого—мы будемъ послѣ. А пока **предположимъ**, что всѣ внѣшнія войны наши только для этой цѣли—ради защиты отечества—велись русскими царями. Правда ли это—увидимъ дальше.

И второе, въ чемъ мы съ вами договорились—слѣдующее: ваши офицеры и обучающіе выдвигаютъ въ присягѣ на первое мѣсто вѣрность царю, а не отечеству; соблюденіе царскаго интереса, а не народнаго. Поэтому толкуемая ими воинская дисциплина воспрещаетъ какое бы то ни было разсужденіе объ отданномъ солдату приказаніи, лишь бы оно не клонилось ко вреду государя *). Запрещено, значитъ, **разсуждать и о томъ, кто долженъ считаться внутреннимъ врагомъ**. Между тѣмъ, не рѣшивъ этого вопроса, солдатъ можетъ стать простымъ убійцей своихъ родныхъ братьевъ.—И ни присяга, ни воинская дисциплина не могутъ его оправдать передъ своей совѣстью и всѣмъ русскимъ народомъ. „Усмирявшіе“ народъ штыкомъ и пулями Семеновскіе солдаты и офицеры такъ навсегда и останутся Каинами-братоубійцами, какъ бы они ни прикрывались присягой царю и воинской дисциплиной. Такими же убійцами, въ глазахъ народа, останутся и всѣ тѣ солдаты, которые шли на усмиреніе и разстрѣлъ своего же брата крестьянина и рабочаго, только по приказу своего начальства. Этимъ начальствомъ являются прежде всего ближайшіе ротные и полковые командиры, которые въ свою очередь получаютъ приказаніе отъ высшихъ начальниковъ—корпуснаго, командующаго округомъ, министра военнаго, вплоть до самого царя. Значитъ, всѣ

*) Генералъ Драгомировъ такъ прямо и говоритъ о воинской дисциплинѣ: **не смѣй разсуждать о самомъ** приказаніи, о сути его, и напротивъ постарайся всѣми силами исполнить отданное приказаніе толково, по духу и сердцу начальника. Значитъ, если велѣлъ тебѣ начальникъ оружіемъ усмирить голодныхъ рабочихъ или крестьянъ, такъ **не смѣй разсуждать**, за что ихъ велѣно убивать, а исполни приказаніе начальства такъ, чтобы сердце начальническое радовалось, а твои братья рабочіе навсегда потеряли бы охоту стоять за свои права.

офицеры, все военное начальство, начиная съ самаго царя (который тоже вѣдь числится въ военной службѣ и носитъ чинъ полковника) и кончая самымъ младшимъ офицеромъ въ ротѣ или эскадронѣ, распоряжается солдатами по **усмотрѣнію** своего непосредственнаго начальника, когда нужно бываетъ усмирять тѣхъ, кого они зовутъ внутреннимъ врагомъ. И вы хорошо знаете, что ваши офицеры не только посылаютъ васъ разстрѣливать и усмирять крестьянъ и рабочихъ или своихъ братьевъ солдатъ, но и всячески стараются убѣдить васъ въ справедливости такихъ своихъ распоряженій и необходимости точно и безпрекословно ихъ выполнять. Они говорятъ вамъ о святости присяги и о пользѣ военной дисциплины; они грозятъ вамъ жестокими наказаніями въ случаѣ вашего ослушанія; они подкупаютъ васъ водкой и усиленными пайками; задабриваютъ наградами, значками „за усердіе“, „за храбрость“, объявляютъ въ приказахъ благодарность и похвалу за ваши „доблестные поступки“; и даже просто дарятъ вамъ деньги за убійство тѣхъ людей, которыхъ власти считаютъ вредными. Такъ напр., лѣтомъ того года одинъ солдатъ въ Варшавѣ, застрѣлившій человѣка, убившаго пристава Константинова (за его притѣсненія и издѣвательства надъ населеніемъ), получилъ отъ начальства 50 руб. награды. И начальникъ гарнизона издалъ по этому случаю приказъ, чтобы каждому солдату, убившему террориста (т. е. человѣка, который уничтожаетъ вредныхъ лицъ изъ правительства и полиціи), выдавалось по 50 руб. награды, а взявшему террориста живымъ—100 руб. Солдатъ обращаютъ въ простыхъ **наемныхъ убійцъ**, и эти убійства, совершенныя ими изъ за денегъ, называютъ честнымъ исполненіемъ солдатскаго долга и вѣрностью присягѣ. Солдатамъ, несущимъ караульную службу въ тюрьмахъ, приказываютъ, не разсуждая стрѣлять въ арестанта, если тотъ просто только подойдетъ къ окну. И много находится звѣрей-часовыхъ, которые выполняютъ это преступное приказаніе, а начальство въ приказахъ объявляетъ ихъ поступокъ „молодецкимъ“ и награждаетъ за „**правильное пониманіе присяги**“ и „точное выполненіе воинской дисциплины“.

Офицеры выставляютъ передъ вами тѣхъ „внутреннихъ враговъ“, на усмиреніе которыхъ васъ посылаютъ, настоящими злодѣями, бунтовщиками и смутьянами; наконецъ—и это самое главное—они скрываютъ отъ васъ истинную причину, по которой „бунтуютъ“ крестьяне и рабочіе, умалчиваютъ объ ихъ нищетѣ и бѣдствіяхъ, о тѣхъ насиліяхъ, какія они терпятъ отъ хозяевъ, помѣщиковъ или начальства, однимъ словомъ, **больше всего** именно собственные ваши офицеры стараются одурманить вашу голову, когда дѣло касается усмиренія тѣхъ, кого они зовутъ внутренними врагами. Вмѣсто того, чтобы удержать васъ отъ братоубійства, указать на неправильность нынѣшней присяги, на безсмысленность воинской дисциплины, дѣлающей изъ солдата безвольное и безсловесное животное,—вмѣсто всего этого они сами толкаютъ васъ на убійство, а когда вы сдѣлаетесь убійцами, хвалятъ, награждаютъ и благодарятъ васъ. Для нихъ даже какъ будто и не существуетъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли нужно усмирять „внутренняго врага“. Они,—болѣе васъ образованные, болѣе васъ понимающіе въ дѣлахъ государственныхъ, безъ колебанія говорятъ вамъ, что всякаго „внутренняго врага“ нужно усмирять и истреблять. Всякій, кого они такъ называютъ,—является дѣйствительнымъ въ ихъ глазахъ врагомъ, и они хотятъ, чтобы и вы всѣ, русскіе солдаты, смотрѣли такъ же, также считали бы „внутреннихъ враговъ“ **своими врагами** и безпрекословно шли бы ихъ убивать по приказу начальства. И тѣхъ солдатъ, которые смотрятъ иначе и отказываются быть убійцами своего народа, они также объявляютъ внутренними врагами и натравливаютъ на нихъ полки, „оставшіеся вѣрными долгу присяги“, какъ они говорятъ. И не только на народъ натравливаютъ васъ ваши офицеры, но даже и однихъ солдатъ на другихъ, когда имъ это нужно. Такъ, во время многочисленныхъ волненій въ арміи и флотѣ въ 1905, 1906 и 1907 годахъ, офицеры старались всѣми силами подвинуть разныя воинскія части итти усмирять возставшихъ солдатъ. Они прибѣгали къ обманамъ. Въ Севастополѣ, напримѣръ, во время ноябрьскаго возстанія ложно увѣряли

артиллеристовъ, будто залетѣвшій къ нимъ снарядъ былъ пущенъ съ возставшаго „Очакова“, и солдаты вдались въ обманъ и стали стрѣлять въ „Очаковъ“. Въ другихъ случаяхъ офицеры грозили солдатамъ жестокой расправой впослѣдствіи и заставили тѣмъ малодушныхъ слушаться своихъ приказаній. Иногда—и нерѣдко—они сами расправлялись съ возставшими; напримѣръ, стрѣляли въ спасавшихся вплавь матросовъ „Очакова“ (въ Севастополѣ); спрятавшись, палили изъ оконъ по бѣжавшимъ мимо солдатамъ (офицеры седьмого драгунскаго полка). И все это дѣлали изъ-за того, что будто-бы возставшіе солдаты, какъ и возставшій народъ, являются „внутреннимъ врагомъ“, врагомъ отечества, и потому вѣрные долгу службы солдаты должны-де поступать съ ними по присягѣ, какъ съ измѣнниками своей родинѣ. Но посмотримъ, правду ли говорятъ вамъ офицеры, убѣждая васъ, что внутренніе враги—есть враги царя и отечества, а значитъ и ваши враги? Быть можетъ, внутреннiе враги являются дѣйствительно врагами царю, офицерамъ и всякому начальству, но вовсе не врагами отечества, народа, а слѣдовательно—не враги они и вамъ, русскимъ солдатамъ? И быть можетъ, не словъ офицеровъ вамъ нужно тогда слушаться, а встать на сторону этихъ самыхъ „внутреннихъ враговъ“ противъ офицеровъ? И значитъ, тутъ не друзьями, а врагами явятся другъ для друга офицеръ и солдатъ?

Бесѣда пятая.

Волкъ коню не товарищъ.

Подробно отвѣчать на этотъ вопросъ было бы очень долго, но намъ это и не требуется. Мы не будемъ съ вами разбираться въ томъ, **почему именно** въ разныхъ случаяхъ появляются „внутренніе враги“, и точно ли они заслуживаютъ этого названія. Мы попытаемся съ вами разобрать нашъ вопросъ съ иной стороны. Всѣ вы знаете, что сейчасъ наша русская армія достигаетъ болѣе, чѣмъ милліона человѣкъ въ **мирное** время. Всѣ

этотъ милліонъ слишкомъ военнаго люда набирается главнымъ образомъ изъ простого народа—крестьянъ, рабочихъ, ремесленниковъ и мѣщанъ, и больше всего именно изъ крестьянъ. Мужского сельскаго населенія у насъ 53 съ половиною милліона, а городского меньше 9 милліоновъ. **Крестьяне** и составляютъ главную массу призываемыхъ на военную службу, какъ сухопутную, такъ и морскую. Они-то въ званіи рядовыхъ солдатъ, унтеръ-офицеровъ, матросовъ и пр. и являются почти исключительно тѣми **низшими военными чинами**, которые образуютъ нашу армію и флотъ. **Высшихъ же военныхъ чиновъ**—младшихъ и старшихъ офицеровъ изъ крестьянъ или мѣщанъ почти что нѣтъ. Въ офицерахъ служатъ, главнымъ образомъ, **дворяне**, частью такъ называемые разночинцы и лишь рѣдко-рѣдко гдѣ проскользнетъ офицеръ изъ крестьянъ или мѣщанъ, да и тотъ съ полученіемъ офицерскаго чина, считается уже дворяниномъ и вскорѣ-же становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Однимъ словомъ, высшіе военные чины—офицеры, и низшіе военные чины—солдаты и матросы—люди совершенно различные по своему происхожденію, по прежнему роду занятій, по своему имущественному положенію, по тому образованію, какое получили тѣ и другіе. Это различіе—самое главное, такъ сказать, коренное, и оно существуетъ еще прежде, чѣмъ бывшій дворянинъ или разночинецъ сдѣлался офицеромъ, а бывшій крестьянинъ или рабочій сталъ солдатомъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что **офицеръ—это тотъ же дворянинъ, помѣщикъ; солдатъ и матросъ—бывшій крестьянинъ или рабочій.** Солдатъ и матросъ, будучи призваны для отбыванія воинской повинности, вовсе не перестаютъ быть крестьяниномъ или рабочимъ. Они лишь **временно оторваны** отъ своего прежняго занятія и, отбывши повинность, могутъ снова вернуться къ своимъ и большею частію такъ именно и поступаютъ. Значитъ, **кровнымъ интересомъ для солдата остается его прежній интересъ какъ крестьянина**, какъ трудового человѣка. Для крестьянина же самымъ близкимъ и важнымъ дѣломъ является та борьба, которую онъ ведетъ сейчасъ за **„землю и волю“**: за землю для того, чтобы безбѣдно

жить, за волю—чтобы жить не только безбѣдно, но и вольготно, безъ притѣсненій и оскорбленій со стороны всякаго урядника, станового, земскаго и прочаго чиновнаго люда. Эту борьбу за землю и волю крестьянинъ ведетъ съ тѣми, кто захватилъ себѣ больше всего земли и забралъ надъ простымъ народомъ больше всего воли, власти. Земли больше всего захватили себѣ царь и дворяне-помѣщики. У царя однихъ кабинетскихъ, лично ему принадлежащихъ земель 68 милліоновъ десятинъ, да 7 мил. десятинъ—удѣльной, доходы съ которой идутъ въ пользу царской семьи. Дворянъ у насъ всего-то милліонъ человѣкъ съ небольшимъ, а помѣщиковъ изъ нихъ всего 130 тысячъ, и эти 130 тысячъ владѣютъ 65 мил. десятинъ. Крестьяне же—а у насъ ихъ числится до 97 милліоновъ человѣкъ—имѣютъ около 120 мил. десятинъ **надѣльной земли**, да до 20 мил. въ частномъ владѣніи. Значитъ, почти на 100 милліоновъ крестьянъ приходится всего по полторы десятины на душу, а 130 тыс. помѣщиковъ позабирали себѣ столько, что на каждаго изъ нихъ выходитъ по **500** дес. Вотъ тѣхъ то именно крестьянъ, которые всяческими способами ведутъ съ помѣщиками борьбу за землю, правительство и считаетъ внутренними врагами; также зоветъ оно внутренними врагами рабочихъ, борющихся со своими хозяевами-фабрикантами и заводчиками за лучшую заработную плату, болѣе короткій рабочій день, болѣе здоровыя помѣщенія и т. п. Къ этимъ же внутреннимъ врагамъ относитъ оно и всѣхъ тѣхъ образованныхъ людей („интеллигенцію“), которые стоятъ за крестьянъ и рабочихъ, всѣхъ соціалистовъ и революціонеровъ, желающихъ измѣнить дурные порядки въ нашей землѣ на лучшіе. И молодежь изъ крестьянъ и рабочихъ также до своего поступленія въ военную службу легко могла быть въ числѣ такихъ „внутреннихъ враговъ“, если она добивалась земли отъ помѣщиковъ и правительства или устраивала стачку противъ хозяина. И по окончаніи своей военной службы, бывшій солдатъ—защитникъ отечества отъ внѣшняго и внутренняго врага легко можетъ самъ сдѣлаться этимъ „внутреннимъ врагомъ“. И только на короткое

время своего пребыванія на службѣ онъ отходитъ отъ своего брата крестьянина и рабочаго. Этимъ то коротким срокомъ и спѣшитъ воспользоваться военное начальство, торопится возстановить солдата противъ своихъ братьевъ крестьянъ и рабочихъ, переманить его на свою, дворянско-офицерскую сторону. Оно всячески старается не дозволить сближенія солдата съ народомъ, не допускаетъ въ казармы постороннихъ, съ трудомъ отпускаетъ самихъ солдатъ изъ казармъ, прочитываетъ всѣ письма къ солдатамъ и задерживаетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ съ родины пишутъ о притѣсненіяхъ начальства и особенно объ усмиреніяхъ крестьянъ войсками. Въ прошломъ 1906 году, военный министръ послалъ приказъ командующему кіевскимъ округомъ на зимнее время **обнести казармы сплошнымъ высокимъ заборомъ**, чтобы „предохранить солдатъ отъ преступной пропаганды революціонеровъ“, какъ выражается начальство. Въ нынѣшнемъ году начальникъ артиллеріи въ Кронштадтѣ писалъ въ секретномъ рапортѣ комендату крѣпости о необходимости разъединить команды отъ рабочихъ и вообще вольныхъ людей, такъ какъ отъ нихъ нижніе чины узнаютъ, чего имъ знать не слѣдуетъ, „портятся“. Изъ казармъ просто, значитъ, дѣлаютъ тюрьму, а солдатъ обращаютъ въ арестантовъ. Какъ настоящимъ арестантамъ, начальство дозволяетъ солдатамъ лишь „свиданія“ съ вольными людьми, да и то съ кѣмъ оно само пожелаетъ, и „безъ крайней надобности“ не велитъ отпускать солдатъ со двора (смотри приказъ командира гвардіи по корпусу). Вотъ какъ боится начальство всякаго сближенія солдатъ съ вольными; боится, чтобы солдатъ не узналъ той правды, которая вольнымъ людямъ виднѣе, чѣмъ въ стѣнахъ солдатской тюрьмы. Вотъ какъ старается оно сдѣлать изъ солдатъ простую военную машину, посредствомъ которой можно сразу уничтожить десятки и сотни тѣхъ самыхъ крестьянъ и рабочихъ, изъ которыхъ набраны и сами солдаты. Но солдатъ долженъ всегда твердо помнить, что военную службу онъ лишь **отбываетъ**; съ крестьяниномъ же и рабочимъ его связываетъ вся его прежняя жизнь, какъ будетъ связывать и послѣдующая всѣхъ, кто снова вернется туда.

Значитъ врагомъ онъ долженъ считать не крестьянина и рабочаго, а тѣхъ, кто его натравливаетъ на крестьянина, то-есть свое военное начальство.

За **землю** крестьянинъ больше всего борется съ помѣщикомъ. За **волю** ему приходится вступить въ борьбу съ самимъ правительствомъ—съ полиціей высшей и низшей, съ чиновниками, съ войсками, защищающими правительство, съ самимъ царемъ, посылающимъ эти войска на усмиренія. И въ этой борьбѣ солдаты также неправильно идутъ противъ народа. Всякое облегченіе въ народной жизни, всякая лишняя крупица свободы сейчасъ же отзовутся самымъ благотворнымъ образомъ и на положеніи солдата и всей русской арміи. Всегда бываетъ такъ: чѣмъ вольготнѣй и легче живется всему народу, тѣмъ легче становится служить и солдату. Потому то **солдаты должны помогать русскому народу въ борьбѣ народа за волю, за лучшіе порядки, за участіе его самого въ управленіи государствомъ.** Въ этой борьбѣ народа съ правительствомъ офицеры также стараются еще больше оторвать солдатъ отъ народа и привлечь его на сторону правительства. И понятно, почему они такъ поступаютъ. Мы видѣли уже съ вами, что между офицеромъ и солдатомъ существуетъ огромное различіе еще прежде, чѣмъ первый сталъ офицеромъ, а второй солдатомъ. То—различіе дворянина отъ простолюдина. Съ тѣхъ же поръ, какъ бывшій дворянскій сынокъ сдѣлался офицеромъ, различіе между нимъ и прежнимъ крестьянскимъ парнемъ, а теперешнимъ солдатомъ стало еще больше. Солдатъ служитъ всего 3—4 года и затѣмъ возвращается обратно къ своимъ; офицеръ остается на военной службѣ большею частію всю свою жизнь—онъ становится вѣчнымъ военнымъ слугой правительства, какъ бы особымъ военнымъ чиновникомъ. Солдатъ мало видитъ для себя хорошаго отъ военной службы, не получаетъ отъ нея никакой выгоды и больше всего рвется домой, хочетъ скорѣй развязаться съ подневольной службой; офицеръ получаетъ на службѣ хорошее жалованье, ордена и награды, и чѣмъ больше служитъ, тѣмъ сильнѣе втягивается въ службу, тѣмъ больше дорожитъ ею, **тѣмъ послушнѣй исполняетъ всякія приказанія высшаго начальства.** Уже

не одна присяга и воинская дисциплина, а и **собственныя выгоды**, собственная матеріальная зависимость отъ службы заставляютъ его не считаться со своей совѣстью и поступать вопреки ей, если высшее начальство того требуетъ. Солдатъ, кончивъ службу, легко можетъ попасть въ ряды „бунтовщиковъ“, „внутреннихъ враговъ“ вмѣстѣ со своими односельчанами; офицеръ, командуя какой нибудь частью, идетъ усмирять этихъ бунтовщиковъ, бывшихъ защитниковъ престолъ-отечества. Коротко сказать, **офицеръ становится настоящимъ военнымъ или царскимъ чиновникомъ**,—чиновникомъ, который не только живетъ на счетъ народа, но и силой расправляется съ этимъ народомъ, распоряжается его имуществомъ, свободой, самой жизнью. Понятно самособой, можетъ ли онъ быть другомъ солдату, который черезъ 3—4 года снова войдетъ въ ряды простого народа.

Вотъ въ чемъ, значитъ. заключается разница между офицеромъ и солдатомъ; и вотъ почему не можетъ быть между ними никакой дружбы и единенія, никакой тѣсной сплоченности, о которой говорилъ въ своей рѣчи семеновцамъ царь. Эта дружба и единеніе бываютъ у людей лишь имѣющихъ общее дѣло; у солдата и офицера это общее дѣло состоитъ только въ войнѣ съ внѣшнимъ непріятелемъ. **Въ борьбѣ же съ такъ называемымъ внутреннимъ врагомъ у нихъ не только нѣтъ этого общаго дѣла, а напротивъ, дѣло и интересы одного изъ нихъ совершенно противоположны дѣлу и интересамъ другого**; и потому не друзьями, а лишь врагами другъ другу могутъ они быть во всемъ что не касается, войны съ внѣшнимъ врагомъ.

Бесѣда шестая.

Разница между наступательной и оборонительной войной.

Раньше мы съ вами предположили, что армія наша призывается на защиту отечества отъ внѣшняго врага. Значитъ, всѣ наши войны должны бы быть оборонительными, а не наступательными. И при такихъ оборонительныхъ войнахъ, когда внѣшній врагъ угрожаетъ намъ нападеніемъ, заслуга арміи передъ отече-

ствомъ дѣйствительно огромная. И чѣмъ дружнѣе дѣйствуютъ при этомъ офицеры и солдаты, тѣмъ лучше для дѣла, для нихъ самихъ, для всей страны. Но всегда ли наши войны были оборонительными? Всегда ли онѣ были необходимы всему русскому народу? Быть можетъ многія изъ нихъ принесли даже прямой вредъ государству? Чтобы не заходить далеко, взглянемъ на послѣднюю нашу войну. Кто изъ насъ не знаетъ, изъ-за чего началась и какъ велась наша война съ Японіей? Ни Китай, ни Японія, никакая другая изъ тѣхъ далекихъ странъ нападать на насъ и не думали. Мы же, напротивъ, давно туда забрались— точнѣе наше правительство и наши богачи промышленники, разные торговые и другіе „дѣловые“ люди. Да и сама царская семья позарилась на корейскіе лѣса и купила себѣ пай въ промышленномъ лѣсномъ дѣлѣ. Мы первые ворвались въ чужую землю, а чтобы сразу „показать себя“ разнымъ тамъ „япошкамъ“ да китайцамъ, ввели туда подъ разными предлогами, большія войска. Словомъ защищаться надо было **отъ насъ, а** не намъ отъ непріятеля. И вы знаете, какъ печально окончилась для насъ эта несчастная война— сколько русскаго народу полегло въ далекой Манджуріи, сколько русскихъ семей осталось безъ поильцевъ-кормильцевъ; какихъ огромныхъ денегъ стоила намъ война! На расходы по войнѣ наше правительство издержало за два года болѣе двухъ милліардовъ, т. е. двухъ тысячъ милліоновъ рублей—**въ 45 разъ больше, чѣмъ ежегодный расходъ министерства народнаго просвѣщенія.** Война эта разорила народъ не только сейчасъ, но и закабалила его иностранцамъ, у которыхъ наше правительство взяло взаймы до 9 тысячъ милліоновъ рублей, а народу надо ихъ уплачивать! Это такая огромная сумма, что трудно ее и представить себѣ ясно: довольно сказать, что однихъ процентовъ за наши долги мы должны уплатить въ нынѣшнемъ году болѣе 335 милліоновъ рублей, такъ что каждому жителю въ Россіи, считая и дѣтей, приходится платить по 2 р. 50 к. однихъ процентовъ за тѣ долги, что понадѣлало наше правительство. И не малую часть этого долга принесла намъ война съ Японіей: въ 1902 году

т. е. за 2 года до войны, государственный долгъ нашъ былъ **на двѣ съ половиною тысячи милліоновъ** меньше, чѣмъ теперь! Кромѣ того, въ ней же мы потеряли массу орудій, погубили почти весь свой флотъ—всѣ лучшіе корабли изъ него. И наконецъ, при заключеніи мира должны были отказаться не только отъ Манджуріи, Портъ-Артура и прочихъ мѣстъ, въ которыя мы передъ тѣмъ уложили сотни милліоновъ народныхъ денегъ, но даже отдали японцамъ и часть своей земли, лучшую половину остр. Сахалина. Японія принудила насъ заключить дѣйствительно позорный для нашего зазнавшагося правительства миръ. Всего за какихъ нибудь 2 мѣсяца до окончанія войны, нашъ царь написалъ на всеподданнѣйшей телеграммѣ духовенства изъ Дѣдова: „Русскіе люди могутъ положиться на меня—Я никогда не заключу позорнаго или недостойнаго Великой Россіи мира". А что вышло на самомъ дѣлѣ? Поистинѣ сказано—„не хвались ѣдучи на рать"... Все это несчастье произошло отъ того, что царское правительство начинаетъ у насъ войны безъ согласія самого народа, не считаясь съ тѣмъ, нужна или полезна народу задуманная война. Иначе сказать, распоряжается арміей самовластно. Очень часто правительство начинаетъ войну ради выгодъ и обогащенія торговаго и промышленнаго класса, которому малы уже кажутся доходы, выжимаемые имъ съ русскаго народа; еще чаще правительство предпринимаетъ войну ради захвата чужой земли, которую оно раздаетъ своимъ чиновникамъ и дворянамъ. Таковы были, напр. многія изъ нашихъ прежнихъ войнъ—съ Польшей, Прибалтійскимъ краемъ, съ Кавказомъ, Средней Азіей. Эти войны обогащали только высшіе классы—дворянъ, разныхъ капиталистовъ (заводчиковъ, фабрикантовъ, промышленниковъ), царскихъ чиновниковъ. Простой же народъ никакой выгоды отъ нихъ не имѣлъ себѣ, а несъ однѣ только потери людьми и убытки, все больше и больше разоряясь отъ новыхъ налоговъ. И при такихъ войнахъ интересы солдатъ и офицеровъ не одинаковы. Для солдатъ такія войны такъ же вредны, какъ и для всего русскаго народа и даже больше—солдаты за нихъ расплачиваются собственной жизнью

или остаются калѣками на всю жизнь, не получая никакой пользы себѣ. Офицеры же, оставшіеся въ живыхъ послѣ войны—а такихъ, конечно, большинство—получаютъ быстрыя повышенія по службѣ, кресты, ордена, лучше устраиваютъ свои денежныя дѣлишки. И эти-то почести и выгоды оказываются настолько привлекательны, что офицеры большею частью охотно идутъ на войну. О томъ, что дастъ война для народа, они забываютъ и помнятъ лишь о томъ, что она принесетъ имъ лично... Не всѣ, конечно, думаютъ такъ, но большинство. И это большинство, чтобы пробудить „воинскій духъ“ въ солдатахъ, старается всѣми силами убѣдить и простыхъ солдатъ въ полезности, необходимости и даже „святости“ такой войны. Они также ссылаются на присягу, на воинскую дисциплину, также одурманиваютъ головы солдатъ всякимъ вздоромъ, скрывая настоящія причины и цѣли войны, а выдумывая разныя басни, будто врагъ грозитъ нашей землѣ, оскорбляетъ нашу вѣру и пр. Словомъ, они продѣлываютъ то же самое, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда посылаютъ солдатъ на усмиреніе „врага внутренняго“. Понятно, что здѣсь темные солдаты еще скорѣй поддаются словамъ офицеровъ—здѣсь вѣдь все-же рѣчь идетъ не о своемъ русскомъ народѣ, а о чужомъ, иноплеменномъ; здѣсь и дѣло-то заглазное, вовсе незнакомое солдату, и обмануть его легче. Такъ вы видите, значитъ, что не всегда офицеръ бываетъ другомъ солдату и при внѣшнихъ войнахъ. **Только при войнахъ оборонительныхъ ихъ интересы одинаковые и ихъ дѣло общее.** При всѣхъ же другихъ войнахъ интересы солдата есть интересы самого русскаго народа. Для русскаго же простого народа—крестьянъ и рабочихъ—всѣ наши наступательныя войны до сихъ поръ не только не принесли пользы, но были въ большинствѣ случаевъ страшно невыгодны, тяжелы и разорительны. А вѣдь надо подумать еще и о томъ, что такія наступательныя войны и несправедливы. Это тотъ же грабежъ, но только грабежъ, производимый однимъ, болѣе сильнымъ народомъ надъ другимъ болѣе слабымъ. И русское правительство, предпринимая этотъ, общепринятый между сильными грабежъ и насиліе, впутываетъ

въ него весь русскій народъ. Само привыкшее урывать лакомые куски, гдѣ только возможно, оно прикрывается именемъ всего народа, дѣлаетъ его соучастникомъ своего преступленія. И въ этомъ обманѣ русскаго народа офицеры принимаютъ самое широкое участіе, заставляя солдатъ убѣжденіями и угрозами наказанія итти на чужой народъ войною, забирать чужія земли, разорять десятки и сотни тысячъ семей, облагать ихъ поборами въ пользу русскаго правительства. И такъ же, какъ относительно „внутренняго врага", и здѣсь начальство запрещаетъ солдатамъ разсуждать, дѣйствительно ли тотъ народъ, на который ведутъ насъ войной, нашъ „внѣшній врагъ", и нужно ли намъ драться съ этимъ народомъ, убивать его, жечь и грабить его страну и считать все это своимъ долгомъ и своей воинской честью. Хорошо это или плохо—вы и сами понимаете безъ моихъ объясненій.

Бесѣда седьмая.

Отвѣтственность за „дѣянія явно преступныя".

Мы начали съ вами разговоръ съ того, что какъ будто бы офицеръ и солдатъ во всемъ должны быть друзьями одинъ другому. Но потомъ мы увѣрились, что это не такъ на самомъ дѣлѣ. Друзьями они бываютъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—при веденіи нами оборонительныхъ войнъ. Между тѣмъ именно такія войны очень рѣдко приходится вести русскому народу, и давно уже онъ ихъ не велъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей. Друзьями при такихъ войнахъ офицеръ и солдатъ являются **только потому, что при этихъ войнахъ офицеры дѣйствуютъ въ интересахъ всего народа, а значитъ и самихъ солдатъ.** Во всѣхъ же другихъ случаяхъ офицеры имѣютъ различные интересы отъ народа, а иногда, какъ при внутреннихъ войнахъ, и прямо таки противоположные, обратные интересамъ народа. Солдаты же самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ простымъ народомъ, крестьянами и рабочими, изъ числа которыхъ они призываются на службу. Поэтому ихъ солдатскіе интересы также совершенно отличны отъ офицерскихъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ они явля-

ются такими же врагами офицерамъ, какъ и простой народъ—это именно при усмиреніи „внутреннихъ враговъ“.

А между тѣмъ такой, казалось бы, простой вещи русскіе солдаты не понимаютъ: они участвуютъ въ наступательныхъ войнахъ на чужіе народы и—еще хуже—они убиваютъ свой же русскій народъ и другой, входящій въ русскую державу людъ по приказу своего начальства. Они дѣлаютъ это, ссылаясь на присягу и воинскую дисциплину. Но мы видѣли уже, можно ли придавать значеніе **такой** присягѣ, какая введена у насъ; видѣли также, зачѣмъ нужна начальству такая строгая воинская дисциплина. Присяга одурманиваетъ голову темнаго солдата, а воинская дисциплина обращаетъ его въ безсловесное животное и грозитъ тяжкимъ наказаніемъ тѣмъ изъ солдатъ, въ комъ еще сохранились живой умъ и честное сердце. Но надо сказать вамъ теперь, что наши офицеры неправильно толкуютъ самую воинскую дисциплину. Въ статьѣ первой дисциплинарнаго устава говорится, что „воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи **правилъ, предписанныхъ военными законами.** Поэтому она обязываетъ точно и безпрекословно исполнять приказанія начальника“. Ясно, что солдатъ долженъ исполнять приказанія начальника только **законныя**, такъ какъ самая военная дисциплина состоитъ въ строгомъ соблюденіи законныхъ предписаній („правилъ, предписанныхъ военными законами“). И дѣйствительно, 2-ая статья того же устава подтверждаетъ такое толкованіе. Въ ней говорится: „При безпрекословномъ исполненіи подчиненными приказаній начальника, онъ одинъ отвѣчаетъ за послѣдствія своего приказанія, **кромѣ лишь случаевъ, въ военныхъ законахъ именно указанныхъ**“. А въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, въ статьѣ 69, сказано, что дѣяніе **сохранитъ преступный характеръ**, если подчиненные, „исполняя приказанія начальника, не могли не видѣть, что онъ имъ **предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службѣ, или совершить дѣяніе, явно преступное**“. Вы же знаете, что присяга приносится на вѣрность службы не только царю, но и отечеству. Значитъ, **по закону** солдатъ даже **обязанъ** разсудить, не отдаетъ-ли начальникъ при-

казанія, противнаго присягѣ. Вѣдь и въ присягѣ солдатъ клянется „надлежащимъ образомъ чинить послушаніе предоставленнымъ надъ нимъ начальникамъ во всемъ, **что къ пользѣ и службѣ государства** касаться будетъ". А если клонится ко вреду государства, то значитъ, такое приказаніе не выполнять. Тѣмъ болѣе не выполнять приказы совершить **„дѣяніе явно преступное"**. А развѣ убійство солдатами по приказанію офицера крестьянъ и рабочихъ и иныхъ русскихъ гражданъ не есть „дѣяніе явно преступное?" Развѣ солдатъ знаетъ, **за что** ихъ велятъ ему убивать, и знаетъ, что убиваемые имъ крестьяне совершили именно такое преступленіе, за которое полагается смертная казнь? Да и кто же, какой судъ назначилъ имъ эту смертную казнь? И кто далъ право именно офицерамъ и солдатамъ привести эту смертную казнь въ исполненіе? Кто велѣлъ именно имъ быть палачами при совершеніи не объявленнаго ни въ какомъ судѣ приговора? За каждое такое убійство всѣ офицеры и солдаты, виновные въ немъ, должны бы подлежать обыкновенному суду, потому что **по закону** они совершили „дѣяніе явно преступное". И только судъ, разобравъ все дѣло, можетъ рѣшить, правы или виноваты они были, и сообразно тому вынесетъ имъ обвинительный или оправдательный приговоръ. Но **суду они должны подлежать обязательно за всякое убійство**, хотя бы одного человѣка, совершенное ими, такъ же, какъ за всякое разграбленіе и порчу имущества частныхъ лицъ, за обиду и насиліе надъ кѣмъ бы то ни было. Но объ этомъ вамъ, солдаты, никогда не говорятъ ваши офицеры, и никогда этотъ законъ не толкуется, какъ слѣдуетъ, потому что офицеры не посмѣли бы тогда водить васъ на убійства, если бы знали, что за каждое такое распоряженіе они будутъ преданы суду; не стали бы имъ тогда повиноваться и солдаты, зная, что **закономъ** запрещено повиноваться офицеру въ тѣхъ случаяхъ, когда, повинуясь его распоряженіямъ, совершаешь дѣянія явно преступныя.

Въ 1888 г. военный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Гурко, много разсуждалъ объ этомъ законѣ, запрещающемъ выполнять приказаніе начальника совершить „дѣяніе, явно преступное", и хотѣлъ даже

вовсе уничтожить статью 69 воинскаго устава, чтобы она никого не смущала. Но ее отстоялъ тогдашній главный военный прокуроръ, кн. Имеретинскій, и комитетъ согласился съ нимъ. Но комитетъ **нашелъ „неудобнымъ заносить прямое указаніе на необязательность приказа совершить дѣяніе явно преступное собственно въ дисциплинарный уставъ“**—вотъ почему въ немъ ничего и не сказано объ этомъ правилѣ, хотя въ **воинскомъ** уставѣ сказано (въ статьѣ 69-ой). Вы видите теперь сами, что сдѣлано это нарочно изъ страха, что тогда каждый будетъ толковать по своему приказаніе начальника; солдатъ станетъ тогда, пожалуй, разсуждать, не велитъ-ли начальникъ, заставляя убивать рабочихъ или крестьянъ, совершить дѣяніе „явно преступное“, а рѣшивши такъ, откажется и повиноваться начальнику. Ни царю, ни начальству это разумѣется, не съ руки, и потому то о 69 ст. устава о наказаніяхъ никто изъ солдатъ даже и мысли не имѣетъ. Воинское начальство, съ вѣдома и согласія царя, не помѣстило въ дисциплинарномъ уставѣ этой статьи, сдѣлало завѣдомый подлогъ, и вмѣсто того требуетъ безпрекословнаго повиновенія отъ подчиненнаго во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, что клонятся ко вреду и ущербу **государя**, но не народа или отечества.

Вы видите, значитъ, что ни о присягѣ, ни о воинской дисциплинѣ вамъ не говорятъ всей правды. И не говорятъ затѣмъ именно, чтобы вы безъ всякихъ сомнѣній давали требуемую съ васъ присягу и безпрекословно выполняли ту воинскую дисциплину, которой васъ обучаютъ. Поступая же такимъ образомъ—принимая **нынѣшнюю несправедливую присягу** и повинуясь **нынѣшней ложной воинской дисциплинѣ**, вы становитесь преступниками по закону, убійцами и врагами народа. И становитесь ими благодаря своимъ офицерамъ и всему высшему военному начальству и больше всего благодаря самому царю, который требуетъ ото всѣхъ присяги и не выполняетъ ее самъ, требуетъ строгаго, точнаго выполненія воинской дисциплины—и не привлекаетъ къ суду тѣхъ, кто нарушаетъ ее, совершая убійства и прочія явно преступныя дѣянія. И не только не привлекаетъ, но собственными указами вводитъ

чрезвычайные **военно-полевые** суды, которые въ большинствѣ случаевъ присуждаютъ къ смертной казни. За 7 мѣсяцевъ съ небольшимъ, что просуществовали эти суды, введенные царскимъ указомъ 20 августа 1906 г. они приговорили къ смерти болѣе 1000 человѣкъ, которые всѣ и казнены, да не одну сотню человѣкъ военныя же власти разстрѣляли безъ всякаго суда. И хотя 2-ая Дума отмѣнила законъ о военно-полевыхъ судахъ, но правительство, послѣ разгона Думы, снова ввело ихъ, только подъ другимъ названіемъ, и продолжаетъ по прежнему ежедневно казнить по нѣсколько человѣкъ. Такія-же права предавать смерти русскихъ гражданъ далъ царь своимъ генералъ-губернаторамъ, главноначальствующимъ и прочимъ высшимъ военнымъ властямъ, поставленнымъ отъ него править страной. И не только далъ, но тогда-же и потребовалъ „безусловнаго примѣненія новаго закона о военно-полевыхъ судахъ“, о чемъ и велѣлъ военному министру „совершенно секретно“ объявить командующимъ войсками. И тѣмъ, кто не выполнитъ высочайшей воли, пришлось-бы отвѣчать лично предъ его величествомъ, какъ объ этомъ предупреждалъ въ своемъ секретномъ циркулярѣ военный министръ. Тутъ же онъ передавалъ высочайшее повелѣніе „не представлять телеграммъ о помилованіи лицъ, присужденныхъ къ смертной казни этими судами. Вотъ, значитъ, **чье** приказаніе исполняя, были такъ ретивы военные судьи; царскую волю творя, они послали на висѣлицу и подъ разстрѣлъ тысячи народу. Николай II, значитъ, дѣлаетъ изъ офицеровъ русской арміи **палачей** русскаго народа. Только эти палачи-генералы не желаютъ пачкать своего офицерскаго мундира, а заставляютъ быть настоящими палачами солдатъ. Палачи-солдаты, повинуясь присягѣ и воинской дисциплинѣ, безпрекословно идутъ разстрѣливать тѣхъ, кого генералы-палачи приговорятъ къ смерти. И даже бываетъ такъ—когда не находится палача, который повѣсилъ бы осужденныхъ, гонятъ **солдатъ** разстрѣливать ихъ. И тѣ идутъ, и выполняютъ дѣло настоящаго палача. Такой случай былъ, напримѣръ, 16 августа 1907 г. въ городѣ Владикавказѣ. Солдаты выполняютъ это постыдное дѣло даже надъ своими

братьями солдатами и матросами, какъ то было послѣ кронштадтскаго, свеаборгскаго и послѣдняго кіевскаго возстанія, когда матросы разстрѣливали привязанныхъ къ канату матросовъ, и солдаты солдатъ... Вотъ къ чему приводитъ васъ, братцы, вѣрность присягѣ и безпрекословное повиновеніе начальству!..

Бесѣда восьмая.

Какою должна быть военная служба.

Вотъ мы дошли до послѣдней нашей бесѣды, и выходитъ на повѣрку, что **все устройство русской военной службы держится на обманѣ и угрозахъ или насиліи.** Выходитъ, что все военное дѣло у насъ поставлено плохо, нечестно, и тотъ „порядокъ“, какимъ хвалятся всегда военные, — порядокъ очень скверный, какъ для солдата, такъ и для всего русскаго народа. Я ужъ не говорю о томъ, что этотъ порядокъ позволяетъ офицерамъ безъ стѣсненія грабить русскій народъ, урывая изъ отпущеннаго на содержаніе солдатъ кругленькія суммы...

Быть можетъ кто-нибудь изъ читателей удивится, какъ могли наши бесѣды, въ которыхъ все это объяснено, быть одобрены Главнымъ Штабомъ и рекомендованы начальникомъ 2-го Сибирскаго корпуса, какъ это значится на заглавной страницѣ. Но это напечатано нами **нарочно**, для того, чтобы „Бесѣды“, попавшись на глаза черносотеннымъ офицерамъ или „шкурамъ“, не были отняты у солдата. На самомъ дѣлѣ „Бесѣды“ эти, хотя, дѣйствительно, написаны запаснымъ унтеръ-офицеромъ, но изданы Центральнымъ Комитетомъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Книжечка эта — **запрещенная**, потому что правдивая и солдату слѣдуетъ ее прятать отъ глазъ начальства.

Мы дошли до конца нашихъ бесѣдъ и нашли, что нынѣшніе русскіе воинскіе порядки никуда не годны. Но какъ же этотъ порядокъ сдѣлать лучше? Какія перемѣны нужно произвести въ устройствѣ нашей военной службы, чтобы армія и флотъ хорошо выполняли свою **прямую и единственную обязанность—защиту отечества отъ внѣшняго врага.** Подробно говорить вамъ объ этомъ я не стану здѣсь, а скажу лишь коротко,

чтобы вы сами сначала подумали надъ моими словами. Послѣ же когда нибудь поговоримъ объ этомъ и подробнѣй.

Всѣ непорядки и все неустройство нашей военной службы происходятъ отъ одного главнаго недостатка, отъ того, **что русская армія отдѣлена отъ всего народа, обособлена отъ него;** она является какъ бы чужой ему, а на дѣлѣ нерѣдко и прямо выступаетъ противъ него. Вы видѣли, что только въ одномъ случаѣ вся армія и народъ сходятся вмѣстѣ—въ дѣлѣ защиты отечества отъ внѣшняго нападенія. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ они чужды или даже враждебны другъ другу. А между тѣмъ понятно, какъ важно, чтобы между арміей и народомъ была не рознь, а единеніе. Тогда не можетъ быть наступательныхъ войнъ, разорительныхъ для народа, тѣмъ болѣе не можетъ быть „усмиреній“ народа войсками. Но какимъ образомъ сдѣлать, чтобы армія не считала себя чужой народу? Отвѣтить на это очень легко, если мы подумаемъ, **почему** она сейчасъ чужая, и кто ее сдѣлалъ такой? Чужой она стала потому, что за тѣ 3—4 года, а недавно 4—5 лѣтъ, какіе приходится или приходилось солдату быть на службѣ, онъ успѣваетъ отвыкнуть отъ прежней жизни, забыть своихъ родныхъ и близкихъ. И больше всего офицеры заставляютъ его забыть о прежней его жизни—заставляетъ присяга и воинская дисциплина. Значитъ, нужно, во первыхъ, сократить срокъ военной службы еще больше, чтобы солдатъ не успѣвалъ забыть все прежнее, **не переставалъ и на службѣ** считать себя такимъ же крестьяниномъ и рабочимъ, какъ до призыва на службу. Нужно сократить срокъ службы, чтобы офицеръ, при помощи присяги и воинской дисциплины, не успѣвалъ обратить солдата въ безсловесное животное и въ простую машину для убійства. Нужно, кромѣ того, совершенно уничтожить или хотя бы измѣнить сильно самую присягу. Измѣнить такъ, чтобы солдатъ **не могъ ссылаться на присягу, убивая своихъ же братьевъ.** Нужно ввести такую дисциплину, которая не освобождала бы солдата и офицера отъ отвѣтственности передъ обыкновеннымъ судомъ присяжныхъ за всякое совершенное имъ убійство или насиліе, хотя бы онъ

это сдѣлалъ и по приказу высшаго начальства. Нужно совершенно отмѣнить военные суды, оставивъ лишь дисциплинарныя взысканія за маловажные проступки солдата и офицера во время службы. Нужно въ офицеры допускать всѣхъ желающихъ и годныхъ, а не только изъ высшихъ классовъ, преимущественно дворянъ, какъ это дѣлается сейчасъ. Нужно, кромѣ того, чтобы въ офицеры **выбирались** всѣмъ полкомъ наиболѣе знающіе службу и толковые; назначеніе же офицеровъ и производство ихъ въ дальнѣйшіе чины по усмотрѣнію высшаго военнаго начальства вовсе отмѣнить. Нужно, кромѣ того, уничтожить такой порядокъ призыва и распредѣленія рекрутовъ, какой существуетъ у насъ въ настоящее время: разсылаютъ новобранцевъ по такимъ полкамъ, которые находятся какъ можно дальше отъ ихъ родины, какъ изъ Казанской, напр., губерніи въ Виленскую, изъ Кіевской въ Вологодскую и пр. Такой порядокъ на руку лишь царю и высшему начальству, потому что солдаты, пригнанные издалека, соглашаются итти на усмиреніе мѣстныхъ жителей и вообще быстрѣе отвыкаютъ отъ дома, забываютъ своихъ. Надо, напротивъ, чтобы каждый, призванный на военную службу, отбывалъ ее въ своей губерніи, или, если можно, даже въ своемъ уѣздѣ; если же нельзя, то хотя бы въ сосѣднихъ съ его губерніей. Такое распредѣленіе полковъ по мѣсту призыва рекрутовъ, кромѣ всего прочаго, обойдется народу и гораздо дешевле, такъ какъ не будетъ затрачиваться массы лишнихъ средствъ на перевозку новобранцевъ, увольненіе солдатъ въ запасъ и пр. Такихъ **лишнихъ** расходовъ наше военное министерство дѣлаетъ на 2 мил. руб. ежегодно; да самый призывъ новобранцевъ обходится тоже дороже милліона на полтора. Итого три съ половиною милліона рублей ежегодно кидается въ воду. Нужно освободить армію отъ несенія всякой внутренней, полицейской службы, а возложить на нее единственную обязанность—**защиту отечества отъ нападеній внѣшняго врага**. Нужно, наконецъ, сдѣлать армію зависимой, подчиненной всему народу, а не одному царю да военному вѣдомству. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если вообще народъ будетъ имѣть участіе въ

высшемъ управленіи черезъ своихъ уполномоченныхъ.

Такое устройство арміи или близкое къ такому и введено въ нѣкоторыхъ странахъ. Тамъ нѣтъ постоянной арміи, а каждый способный къ службѣ гражданинъ обучается военному искусству въ короткій срокъ — годъ—полгода *)—и затѣмъ черезъ короткіе же промежутки призывается на учебные сборы. Выгоды такого устройства арміи или народной милиціи, какъ ее называютъ, очень большія:

1) Народъ не отрывается надолго отъ своего занятія и отъ своихъ семей, и, значитъ, страна не лишается полезныхъ работниковъ.

2) Отрываясь отъ своихъ лишь ненадолго и продолжая оставаться тѣмъ же крестьяниномъ или рабочимъ, солдатъ не пойдетъ противъ своихъ, не поддастся увѣщаніямъ начальства во вредъ народу.

3) Арміей не смогутъ тогда распоряжаться по своему усмотрѣнію высшія военныя и гражданскія власти, какъ это дѣлается сейчасъ; наступательныя внѣшнія войны тогда вскорѣ исчезнутъ навсегда, а всякія убійства по приказу начальства будутъ считаться уголовными преступленіями, за которое станутъ отвѣчать какъ солдаты, такъ и офицеры.

4) Содержаніе такъ устроенной арміи обойдется народу гораздо дешевле, чѣмъ оно обходится сейчасъ **).

5) При такомъ устройствѣ военнаго дѣла не будетъ причинъ офицерамъ быть врагами солдатъ, отъ чего сильно выиграетъ само военное дѣло.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, какъ должно быть

*) Если изъ военной службы выкинуть многое излишнее, чему учатъ сейчасъ, а оставить только самое необходимое для того, чтобы сдѣлаться толковымъ и развязнымъ солдатомъ, то обучить ей можно въ очень короткій срокъ—въ какихъ нибудь полтора—два мѣсяца.

**) Сейчасъ на военное министерство расходуется у насъ 375 мил., да на морское—104 мил.—почти полтысячи милліоновъ на оба. На народное же просвѣщеніе всего 44 милл. въ десять съ лишнимъ разъ меньше, чѣмъ на армію и флотъ. На управленія въ этихъ двухъ министерствахъ—военномъ и морскомъ—т. е. на разныя канцеляріи, штабы, на содержаніе и жалованье начальства тратится 17 съ половиной мил. При этомъ на однихъ только генераловъ идетъ до 5 съ половиной милліоновъ рублей

устроено военное дѣло, чтобы оно было полезно всему русскому народу. Вотъ чего долженъ хотѣть и добиваться всякій солдатъ, честно понимающій свой истинный долгъ передъ родиной. **И вотъ чему должны бы учить солдатъ тѣ офицеры, которые считаютъ себя дѣйствительными друзьями солдатъ.** Честнаго и искренняго друга изъ офицеровъ вы легко можете узнать по тому, какъ онъ относится къ простому русскому люду—крестьянамъ и рабочимъ: кто другъ рабочаго, трудового люда, кто стоитъ за интересы крестьянъ и рабочихъ, не возстановляетъ солдатъ противъ нихъ или ихнихъ защитниковъ, не гонитъ солдатъ на братоубійство, а удерживаетъ ихъ и разъясняетъ имъ всю жестокость и неправоту такихъ „солдатскихъ подвиговъ"—**тотъ и есть вмѣстѣ съ тѣмъ истинный другъ и солдату.** За такого офицера надо стоять солдату, къ такому обращаться со всякими своими нуждами и запросами. И такіе офицеры уже есть сейчасъ въ русской арміи. Изъ такихъ именно офицеровъ состоитъ Всероссійскій Офицерскій Союзъ", который также рѣшилъ бороться з аземлю и волю для всего народа, какъ „Всероссійскій Союзъ Солдатъ и Матросовъ". Такими же истинными друзьями для солдатъ были разстрѣлянные правительствомъ, офицеры—герои: Шмидтъ, Емельяновъ, Коханскій, заточенный въ Шлиссельбургъ Жадановскій,—всѣ возставшіе вмѣстѣ съ народомъ за святое дѣло свободы. Немного еще пока такихъ офицеровъ, но тѣмъ цѣннѣе они. Смѣло идите къ нимъ со всѣмъ, что лежитъ у васъ на сердцѣ, чѣмъ болѣетъ ваша душа за родную землю. Отъ всѣхъ же иныхъ офицеровъ нужно держаться дальше, не довѣрять ихъ словамъ и отказывать въ повиновеніи имъ, когда они приказываютъ вамъ сдѣлать то, что запрещаетъ ваша совѣсть. Не только ради страха передъ начальствомъ, но и по совѣсти передъ народомъ служите, солдаты, и тогда никто не назоветъ васъ убійцами и врагами народными, какъ зовутъ сейчасъ семеновцевъ, казаковъ и всѣхъ, кто отличился при „усмиреніяхъ" возставшаго за землю и волю народа.

КОНЕЦЪ.